

В тот самый миг, когда Лу Цзыяо попытался приподняться, его удерживаемое запястье резко потянуло вниз, и седьмой принц мгновенно увлек его обратно на постель...

Лу Цзыяо с обиженным видом повернул голову и сердито уставился на бунтующего сорванца!

Седьмой принц открыл глаза и с холодным равнодушием уставился на своего маленького компаньона, пытавшегося схитрить.

Под угрожающим взглядом бунтующего мальчишки, говорившим: «Только дернись — и я сброшу тебя в море», Лу Цзыяо смиренно сдался.

Чем старше становился этот ребенок, тем меньше в нем было послушания!

Полнейший профан в военном деле, попавшийся с поличным да еще и проваливший побег, горе-«отец» лишь со слезами на глазах похлопывал и убаюкивал бунтующего сорванца.

Лу Цзыяо спел импровизированную «колыбельную», идеально подходившую к случаю:

— Морозный ветер треплет мне лицо, а бунтующий сын терзает мне сердце...

Седьмой принц, выглядевший донельзя кротким со своими опущенными длинными ресницами, спокойно произнес:

— Смени песню.

— ... — Лу Цзыяо сжал кулаки и обиженно поджал губы.

Он что, принимает старого отца за музыкальный автомат?!

Какая! Обида!

Примечание автора:

Как же называлась песня со словами «Мой сын бунтует»? Это же трек из рекламы консервированного соуса. Ну теперь-то никто не скажет, что это проплаченный рекламный роман молока «Ванцзай», ведь у нас появилась и реклама консервов!

Спустя месяц с небольшим Лу Цзыяо в составе подкрепления кавалерии прибыл к границам Бэйцзюй.

Местный гарнизон уже возвел походную ставку и склады для хранения припасов.

Так как шестой принц и седьмой принц не могли принимать участия в боях на переднем крае, сопровождавший их Лу Цзыяо тоже был вынужден остаться в походной ставке.

Всего в сорока с лишним ли от этого места располагался авангардный корпус Западного фронта, который уже укрепился на передней линии к западу от реки, находясь лицом к лицу с противником.

Из-за невозможности участвовать в сражении Лу Цзыяо после прибытия потерял связь с наследным принцем и пятым принцем.

Все наставления он уже твердил им бесчисленное количество раз в дороге, так что добавить было особо нечего.

Лу Цзыяо мало что знал об этой войне. Ему было лишь известно, что Великая Ци в конечном счете одержала победу: за исключением засады, в которую попал Император, остальные битвы завершились полным и сокрушительным разгромом врага.

Именно из-за этого Император настолько уверовал в свое превосходство, что очертя голову пустился в погоню в одиночку и в итоге попал в засаду в Байсугоу.

Война в общей сложности длилась более четырех месяцев, и в оригинале не указывался точный период, когда Император попал в беду, так что предотвратить это наверняка было невозможно.

Лу Цзыяо оставалось лишь предупредить наследного принца, чтобы тот помнил о гибельном для военного дела месте под названием Байсугоу, и особенно берег августейшего родителя, не позволяя Императору подвергаться опасности и вступать на роковую землю.

Хотя Лу Цзыяо, совершенно ничего не смысливший в военном деле, не обладал достаточным авторитетом в этих вопросах, его огромные заслуги в заготовке зерна и сдерживании эпидемии заставили наследного принца отнестись к его словам с наивысшей серьезностью, так что тот должен был проявлять осторожность.

Однако за несколько дней пребывания в походной ставке доносившиеся с передовой донесения дали Лу Цзыяо понять, что война полна непредсказуемых факторов.

План боевых действий, составленный армией Ци перед выступлением, заключался в том, чтобы, используя двойное превосходство в силах и выгодный рельеф, взять врага в кольцо без немедленного штурма. Они рассчитывали сначала посеять панику в рядах двадцатитысячной — по заявлениям противника — армии киданей, склонить часть к сдаче, а затем уничтожить оставшиеся силы.

Но на деле жизнь внесла свои коррективы: не прошло и десяти дней, как Лу Цзыяо узнал о стычках небольшого масштаба на передней линии.

Причем первыми напали именно кидани небольшим отрядом.

Пользуясь ночным покровом, они форсировали реку, совершили внезапный налет на передовой артиллерийский лагерь и завязали бой с первой линией канониров Великой Ци.

Конница киданей ничуть не боялась превосходящих в два раза сил Великой Ци — единственным, внушавшим им страх, было огнестрельное оружие.

Дальнобойность и разрушительная сила артиллерийского огня могли нанести киданям колоссальный урон еще до вступления в ближний бой.

Проснувшиеся от сна солдаты артиллерийского лагеря Великой Ци сначала понесли тяжелые потери от неожиданной атаки киданей, но быстро припухли от шока и бросились в отчаянный контратакующий бой.

Захвативший инициативу внутри и снаружи лагеря противник быстро смял ряды артиллеристов.

Однако в этой безнадежной ситуации, на грани жизни и смерти, канониры проявили выдержку и разделились на три группы: две группы прикрывали третью, давая ей возможность пробиться сквозь кольцо и привезти помощь.

Из оставшихся двух отрядов один насмерть сдерживал врага, выигрывая драгоценные минуты, пока второй прорывался к пороховым складам, чтобы исполнить священный долг артиллеристов Великой Ци —

перед смертью уничтожить ружья и пушки, не дав противнику захватить их и обратить против собственной армии.

Когда прибыло подкрепление со второй линии обороны, отряд киданей уже успел без потерь отступить, оставив после себя лишь поле, усеянное телами погибших воинов Великой Ци.

Таким образом, первоначальный план бескровной осады оказался полностью сорван.

Пылавшая в сердцах солдат ненависть готова была перехлестнуть через речную гладь — каждый мечтал собственными руками разорвать эти киданьские отродья.

Опытные военачальники понимали, что боевой дух войск взлетел до предела, и стали один за другим подавать Императору прошения о немедленном наступлении.

В этот момент дело было не только в эмоциях: трезвый расчет показывал, что дерзкая вылазка киданей на артиллерийский лагерь доказывает их решительный настрой. Они готовились к серьезному сражению, поэтому тактика осады и призывы к сдаче на них явно не подействовали бы.

Тем не менее, даже если битва была неизбежна, требовалось сначала переработать план действий.

Однако Император затягивал с отдачей приказа. Подразделение из войск артиллерийского генерала Лю Цзидуна, ослепленное жадой мести за гибель соратников, пренебрегло собственной жизнью и нарушило приказ: под покровом ночи они переправились через реку по примеру киданей и устроили ответный налет.

Но поскольку противник был наготове, весь отряд сгинул до единого человека.

Командующий первой линией поспешно утаил это известие, чтобы не подорвать моральный дух армии.

Две неудачи подряд в мелких стычках глубоко уязвили гордость Императора, обладавшего подавляющим преимуществом.

В гневе он потребовал решительных действий, и новый, более агрессивный план сменил первоначальный. Настоящее сражение началось.

Из походной ставки ежедневно выдвигались на передовую свежие резервные войска, отчего Лу Цзыяо начинал всерьез опасаться: сумеет ли армия Ци так же сокрушительно разгромить киданей, как описывалось в романе?

Охватившая его тревога заставляла Лу Цзыяо день за днем сидеть в шатре, присматривая за оставшимися малышами — Лу Цзыяо и пухленьким детенышем — и время от времени пересчитывать их: оба ребенка на месте, не хватает только пятого принца.

Как ни странно, после вестей о ночном нападении на артиллерийский лагерь шестой принц ежедневно рвался лично отправиться на передовую, чтобы отомстить за павших. Прежде кроткий, словно ягненок, шестой принц при одном упоминании киданей теперь грозился

отрубать им руки и ноги и выкалывать глаза.

А вот седьмой принц — тот самый непобедимый бог войны, от чьего имени в оригинальном романе трепетал весь мир, — до сих пор не проявил ни малейшего желания участвовать в боях.

Лу Цзыяо казалось, что этот пухленький малыш даже немного нервничает, отчего каждый вечер требовал, чтобы его убаюкивали.

Впрочем, нападение на артиллерийский лагерь сильно опечалило и седьмого принца: Лу Цзыяо видел, что лучшим тому доказательством стала потеря аппетита у малыша.

Спустя месяц две армии успели сойтись в двух крупных сражениях.

Армия Ци, как и в оригинальном романе, обладала очевидным превосходством, однако тревога Лу Цзыяо лишь возрастала с каждым днем: он боялся, что с фронта придут дурные вести об Императоре или наследном принце.

А также о его Пятом детеныше.

Прошел еще месяц. У киданей стали проявляться проблемы с нехваткой провианта и вооружения, отчего преимущество войск Ци возросло еще сильнее.

Боевой дух на передовой неизбежно сменился самоуверенностью и спесью.

Будь то полномасштабная битва или локальный налет, Великая Ци одерживала победу за победой. Солдаты и военачальники сгорали от желания отличиться в бою и заполучить военную славу, однако Император забрал всю возможность выслуги себе.

Двадцать второго числа десятой луны Император лично возглавил армию, переправился через реку и начал генеральное сражение на уничтожение.

Одно за другим приходили известия о победах, триумф казался близким как никогда, когда остававшийся на второй линии обороны наследный принц получил срочное секретное письмо из дворца.

Письмо было написано рукой второго принца.

Тот старался выбирать максимально мягкие выражения, но от прочитанного у наследного принца потемнело в глазах, и он едва не лишился чувств.

Наследная принцесса родила раньше срока.

Суть послания заключалась в том, чтобы успокоить: в первую очередь говорилось, что с ребенком все в порядке, но наследная принцесса тяжело пострадала, ее жизненные силы подорваны, и она находится без сознания. Второй принц выражал надежду, что если у наследного принца есть возможность отлучиться, он вернется хотя бы навестить ее.

Будучи главным преданным поклонником наследного принца, второй принц прекрасно знал о глубоких чувствах старшего брата к невестке.

Случись так, что невестка не выживет, а он не оповестит старшего брата и не даст ему попрощаться с ней в последний раз, это ложилось бы несмываемой тенью сокрушения на всю оставшуюся жизнь.

Поэтому он все же решился написать это письмо, оставив решение за старшим братом.

В конце концов, победа в этой войне была гарантирована, и отсутствие старшего брата ничего бы не изменило; а вот утрата невестки стала бы для старшего брата восполнимой только горем безутешной потери.

Решением наследного принца было вернуться во дворец.

Изначально он намеревался лично отправляться на передовую, чтобы обо всем доложить августейшему отцу, но действующий императорский приказ строго запрещал сыновьям переправляться через реку.

Он хотел отправить гонца с донесением, но побоялся, что слухи о «побеге наследного принца с поля боя» в этот решающий момент, когда победа была на пороге, подорвут боевой дух армии.

Сгорающий от беспокойства за жену наследный принц не мог больше медлить: он немедленно передал верительную тигриную бирку своему пятому брату, повелев тому оставаться на месте и ждать приказов, а сам под покровом ночи покинул военный лагерь.

<http://bllate.org/book/18379/1767117>